

2010 ГОД
БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ
СЕРТИФИКАТ
ПОБЕДИТЕЛЯ

БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ
В НОМИНАЦИИ «БОЛЬШАЯ ПРОЗА»

Александр Тутов

РУССКИЕ В САРАЕВО

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

ПЕЧАЛЬНОЙ
ВОЙНЫ

Александр Тутов

**Русские в Сараево.
Малоизвестные страницы
печальной войны**

Издательский дом «Сказочная дорога»

2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Тутов А. Н.

Русские в Сараево. Малоизвестные страницы печальной войны /
А. Н. Тутов — Издательский дом «Сказочная дорога», 2014

ISBN 978-5-4329-0054-8

В книге освещаются малоизвестные события войны на Балканах. Герой повести, русский доброволец, врач по профессии, Алексей приезжает в Сараево, чтобы лечить и спасать, а не убивать, но в условиях войны он вынужден делать и то, и другое: оказывает помощь и своим, и чужим (мусульманам, хорватам, сербам) и участвует в боевых действиях. В самые критические минуты своей жизни он встречает девушку Радугу, не зная еще, на чьей стороне она воюет. Эта встреча многое определяет в судьбах героев. Писатель ставит в повести вопрос: что делали в Югославии в 1992–1995 годах русские, почему там оказались и гибли в боях за Сербию? И отвечает на него, потому что он сам в эти годы был там. Первое издание повести отмечено бронзовым дипломом III Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2013 г.) в номинации «Большая проза». 2-е издание книги дополнено рассказами, посвященными той войне, а также подборкой фотографий русских добровольцев – участников боев. Издание 2-е, дополненное.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-4329-0054-8

© Тутов А. Н., 2014
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2014

Содержание

Война, которой вроде не было	7
О русских добровольцах в Югославии	8
Стрельба по-македонски	10
От автора	12
Русские в Сараево	17
1	17
2	25
3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Тутов
Русские в Сараево. Малоизвестные
страницы печальной войны

© Тутов А. Н., 2014

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2014

Война, которой вроде не было

Спросите своих знакомых, которым меньше 30 лет: что такое Сербская Краина или Республика Српска? В лучшем случае вспомнят, что есть такой народ – сербы и вроде бы даже государство Сербия.

Про Хорватию знают, что там отдыхать лучше, чем в Черногории. А кто такие босняки, ответит разве что один из ста.

Попробуйте им объяснить, почему двадцать лет назад не самые худшие наши граждане уехали из России и сложили свои головы в боях против хорватов и босняков за Республику Српску. Не уверен, что вы сможете объяснить это нынешним молодым людям.

Александр Тутов попытался это сделать. Он написал книгу «Русские в Сараево». Она о том, что там делали русские, почему они там оказались и – главное – почему для них не нашлось никакого другого жизненного пути, как только поехать туда и погибнуть в бою.

Такую книгу написать нелегко.

Даже составить сухой перечень событий того времени очень трудно хотя бы потому, что объективных описаний просто не существует, а уровень предвзятости средств массовой информации в то время зашкаливал.

Почему же Александр Тутов все-таки решился написать эту книгу?

Ответ очень прост: он там был в это время.

Не все из того, что в ней сказано, произошло с ним, рядовым военным врачом, терапевтом, неврологом, а иногда – хирургом и даже акушером: на войне бывает всякое.

И, может быть, не все описанное даже произошло в реальности: это художественное произведение, и образы, созданные писателем, собирательные. Но в основе этой повести – реалии тех лет, опыт самого писателя.

Андрей Паршев,

писатель, экономист, полковник в отставке, автор книги «Почему Россия не Америка»

О русских добровольцах в Югославии

Истина о появлении и деятельности русских добровольцев в бывшей Югославии долгое время находилась в России под неофициальным запретом.

Кто-то весьма упорно распространял слухи о русских добровольцах как об обычной банде, вторя многим западным СМИ.

Впрочем, и официальная политика сербских верхов не многим отличалась, ибо в ней добровольцы-«русы» рассматривались через призму догм старой социалистической Югославии как «националисты» и соответственно как своего рода «пятая колонна» НАТО.

В последнем случае это было достаточно парадоксально, ибо даже в ходе войны представители аппарата бывшей СФРЮ в своей массе продолжали оставаться во власти всех участвовавших в войне сторон и как раз в Сербии государственный аппарат бывшей СФРЮ, получив все мыслимые полномочия, полностью контролировал все, что происходило в сербском обществе – от частного бизнеса до «идеологических проектов» самых разных направлений.

В бывшей Югославии на практике можно было наблюдать, как так называемый Запад смог организовать внутренний вооруженный конфликт, уничтожив сильное и процветающее государство, опираясь на определенные силы в аппарате власти бывшей СФРЮ, зачищенном в ходе достаточно продуманных процессов от честных и принципиальных чиновников. Как ни странно, в Сербии вину за распад государства и за начало самой войны многие тогдашние аналитики хотели переложить на сербских «националистов».

А некоторые из таких аналитиков и русских добровольцев решили включить в список «поджигателей войны» по инициативе некоторых не в меру ретивых (а в иных случаях и несколько психически нестабильных) личностей в иных спецслужбах.

В силу этого приходилось сталкиваться с политикой негласных запрещений публикаций в СМИ и блокирования выхода книг, в которых русские добровольцы представлялись бы во сколько-нибудь положительном свете, и велась кампания по их дискредитации на основе выдуманных фактов и очевидно тенденциозных свидетельств.

Как выяснилось впоследствии, причиной тому были указания различных международных структур, не жалевших времени для мониторинга военных событий, в том числе роли русских добровольцев, в надежде найти как можно больше компромата.

Так как у этих структур было достаточно падких на деньги помощников в государственном аппарате и общественных организациях, кампания была организована достаточно массовая и едва ли не достигла успеха.

В силу этого само участие в войне многим русским добровольцам принесло большие личные проблемы и нередко порождало своего рода «запрет на профессию», во что немалую лепту внесли и некоторые представители иных государственных органов, которые какой только бред не выдумывали о русских добровольцах.

Однако человеческое упорство и вера в свою правоту способны преодолеть любые заговоры. В России стали выходить мемуары русских добровольцев, где в той или иной мере можно найти свидетельства того, что в действительности происходило в бывшей СФРЮ.

Книга Александра Тутова – произведение художественное, основанное на тех мемуарах, которые ныне можно найти на книжных полках. Русские добровольцы сыграли свою роль и российское общество предупреждено о том, что произошло в Югославии и что может произойти и в России.

Лишь последние события на Украине наконец-то представляют в истинном свете русское добровольческое движение. Практически матрица тут идентичная, как, впрочем, и те же самые силы, которые стремятся опорочить как само добровольческое движение, так и его цели. Тем не менее это добровольческое движение свидетельствует о том, что в самом русском народе не

угасла воля к борьбе, которая и дает смысл существованию народу. То, что произошло в бывшей Югославии, ныне повторяется на Украине, и русское добровольческое движение – один из самых важных компонентов этих событий.

Олег Валецкий,

член Московской организации Союза писателей России, автор книг «Югославская война» (2006 г., 2-е изд. – 2008 г.), «Волки Белые (Сербский дневник русского добровольца 1993–1999 гг.)» (2006), «Новая стратегия США и НАТО и ее влияние на развитие зарубежных систем вооружения и боеприпасов» (2008), «Минное оружие. Вопросы минирования и разминирования» (2009), «Югославская война 1991–1995» (2011)

1 июня 2014 г.

Стрельба по-македонски

Как мы можем узнать из «горячо любимого» Интернета, «стрельба по-македонски» – метод ведения боя огнестрельным оружием, чаще всего пистолетами. Он предполагает стрельбу с двух рук, одновременно поднятых на уровень плеч, иногда со сцепленными большими пальцами. Такой приём обеспечивает удвоение огневой мощи стрелка и уменьшение отдачи после выстрела за счёт увеличения массы при сцеплении пальцев рук».

Существует несколько версий происхождения термина, одна из них – термин «происходит от македонских борцов за свободу, которые использовали сразу два пистолета во время Балканских войн 1912 и 1913 годов».

Но для нас важно, что такой способ стрельбы значительно усиливает наступательную мощь стрелка. Именно таким предстает перед нами главный герой повести «Русские в Сараево» – доброволец Алексей, врач по профессии, приехавший помогать братской Сербии в боях за независимость в период эскалации военного конфликта на Балканах в 1990-е годы. Алексею приходится и воевать, и спасать жизни, и не только братьев по оружию – воинов-добровольцев, приехавших помогать сербам. Он оказывает помощь мирному населению и даже семьям возможных врагов! Ведь прежде всего он врач, а для врача во все времена главным было спасти пациента. Кроме того, герой в своих размышлениях выступает и в роли аналитика, пытающегося разобраться в причинах ожесточенных столкновений на Балканах.

Повесть и открывается небольшим экскурсом в геополитическую обстановку на Балканах в то время. Автор несколькими штрихами обрисовывает положение противоборствующих сил в Сараево, основные причины конфликта, его течение и анализирует причины неуспешности этой войны для Сербии.

А причины эти в продажности чиновников, в трусливой позиции лидера Милошевича и главное – в агрессивно-хищнической деятельности стран НАТО, прежде всего США.

Для прекращения назревающего конфликта был нужен кто-то решительный, кто бы остановил его развитие. Такую роль в балканском конфликте могла и должна была сыграть Россия, но не захотела. Это легло тяжкой виной на ее тогдашних правителей.

Но не только «высокие материи» занимают автора. Для читателей, не связанных с буднями воина, будут интересны и описания бытовых сцен, жизни простых людей в условиях военного времени, наблюдения и зарисовки о бессмысленности развернувшейся гражданской войны между сербами, хорватами, православными, мусульманами, бошняками – боснийцами, сравнительно мирно проживавшими на этих территориях.

Результат взрыва «адской бомбы» под мирным существованием – разорванная, клокочущая Сербия. Ее символом становится многоэтажный дом, в котором происходят основные действия повести. Там оказывается наш герой в поисках неведомого врага.

Обследуя этаж за этажом, подъезд за подъездом, он забирается на чердаки, спускается в подвалы. Скоротечные огневые контакты перемежаются с осторожными перемещениями с этажа на этаж, затем сменяются стремительным ножевым боем. И пока неведомо нашему герою, что он не только будет сражаться с врагами и помогать нуждающемуся в лечении местному населению, но и, как Орфей в мрачных безднах Аида, найдет свою Эвридику.

Интересны внутренние диалоги главного героя, его постоянное вынужденное «переключение» позиций «воин – врач». А так как автор сам владеет приемами рукопашного боя, техникой работы с холодным оружием, то это чередование придает особую правдивость и дополнительную внутреннюю динамику повествованию.

Но герой не выступает здесь этаким бравым суперменом, который палит во все движущееся и при этом неуязвим. Он рассказывает и о своих неудачах.

Особо выделяется любовная, вернее, рыцарски-галантная тема развития отношений между Алексеем и случайно встреченной им девушкой Радой. Особенно остро звучит эта тема, когда оба героя попадают в плен.

Интересно раскрыты характеры и других героев-воинов. Это и бывший учитель серб Слован, вынужденный стрелять в родителей бывших учеников (еще одна метафора разделения мирных людей по разные стороны баррикады), товарищи Алексея: капитан Вадим, Большой Алик (осетин по национальности, участник боевых действий в Южной Осетии против Грузии), серб-четник Зоран, черногорец Неделько, хохол Петр из Ивано-Франковска, сторонник единой Руси со столицей в Киеве.

В повести есть и описание интересных военных «изюминок»: «тромболонов» – ручных гранат на шомполе, приспособленных к стрельбе из подствольника автомата, «паштетов» – противопехотных мин.

Но все же главной линией, «нервом» повествования является не стрельба и взрывы, не диалоги с друзьями и врагами, а постоянная внутренняя динамика переживаний и действий героя – воина и врача. Это, по моему мнению, та «изюминка», которая позволяет говорить, что в повести нашел отражение и опыт Православия, когда инок, врачующий словом, становился воином, а потом, преодолев опасность, снова возвращался к беспрестанным молитвам... И один в поле воин, если он – Воин: смел, благороден, справедлив.

*Алексей Сафонов,
директор по связям с общественностью фонда «Антикризис» под
патронажем С. Г. Кара-Мурзы*

От автора

Олег Бахтияров в своей статье «Повстанец», опубликованной в апреле 1998 года в журнале «Родина», пишет: «В нашем обществе появилась новая категория – люди войны. Это не солдаты регулярной армии и не наемники, а своего рода искатели приключений, выбравшие войну как единственно достойную, на их взгляд, форму жизни подлинного мужчины... В отличие от солдата регулярной армии повстанец по своей воле пришел в «зону смерти». Ее близость влияет на его сознание, поведение... Рядом со смертью сознание становится коллективным, перестает различать границы между собственным опытом и переживаниями своих товарищей... Эти люди... растворены в коллективном сознании и поэтому реально причастны ко всем событиям войны... Замечено: разные народы по-разному реагируют на «зону смерти» – одни становятся хуже, кровожаднее, хитрее, другие, наоборот, лучше, благороднее, совестливее... Эти молодые в массе своей ребята не оставляли ни при какой ситуации своих убитых и раненых, принимали условия боя в качестве нормальной среды обитания, восстанавливая тем самым традиционные этнические боевые нормы русского солдата... Обожженные паяльными лампами трупы, выдавленные глаза, вспоротые животы сопровождают действия определенных этнических групп. На удивление, лишены всего этого русские. Русский эксцесс поля боя – не жестокость, а пароксизм безумной храбрости, в основе которого острая потребность продлить беседу со смертью как с уникальным собеседником. Этот русский феномен невозможно понять, если не принять во внимание метафизические аспекты жизни вблизи смерти. Русское поведение в этих условиях сводится к усилению опасности среды, что совершенно непонятно для постороннего наблюдателя...

Измененное сознание и поведение приводят к своего рода «инициации» повстанцев, приобщению их к ценностям высшего плана, к обретению интенсивного чувства общности, сродни религиозному. Люди начинают объединяться не единой идеологией, а единством породы, образуя на фоне развала государственных и национальных структур свой особый повстанческий «этнос». В этих формированиях собираются люди повышенной активности, в них происходит накопление того, что можно, пожалуй, назвать пассионарностью. Выделяясь из массы инертного городского населения, стекаясь в зоны локальных войн, эти люди создают свои связи и структуры. Характер этих структур совершенно особый, неорганизационный. Скорее это силовые линии особого этнического поля, которое – в силу своей напряженности – способно повлиять на все будущее устройство жизни русского народа».

Лучше, чем Олег Бахтияров, и не скажешь.

Балканы всегда были «кипящим котлом Европы». Со времен античности и до наших дней здесь не затихали большие и малые войны, в орбиту которых втягивались многочисленные государства.

И даже если сейчас на этих землях объявлен мир, то дымок, сотканный из противоречий и споров, все равно продолжает куриться...

В любой момент может вспыхнуть артиллерийская канонада, раздаться пулеметные очереди и душераздирающий визг заходящих на штурмовку самолетов.

В 90-е годы XX века на Балканах шла страшная, ожесточенная, кровопролитная война, унесшая более миллиона жизней. В ней принимали участие и добровольцы из России, которые не один год воевали там. Разные они были по характеру, по политическим воззрениям и убеждениям. Но большая часть из них воевала не за деньги, которыми, в сущности, и не обладали сербские общины. Многие из добровольцев сложили свои головы, повторив подвиг воинов России, которая освобождала Балканы от Османской империи в XIX веке. Из тех, кто воевал в конце XX века на Балканах, немало стало инвалидами, кто-то просто безвестно сгинул, чьи-то

могилы теперь находятся на территории бывшей Югославии. Но воевали русские добровольцы так, что их небольшие отряды, состоявшие в лучшем случае из пары десятков бойцов, в глазах врага превращались во многие сотни и тысячи русских «наемников» (так называла их западная пропаганда).

Об этой войне у нас известно очень мало. Почти ничего. Про Косовский конфликт и дальнейшие бомбардировки Сербии, проводимые НАТО, еще кое-что запомнилось благодаря демаршу Примакова, развернувшего свой самолет над Атлантикой и не полетевшего на заранее обговоренные дипломатические встречи самого высокого уровня в США.

Затем все припоминали акции у посольств США и стран НАТО, организованные нашими согражданами, которые вспомнили про славянское братство. Говорили о наших десантниках, которые, опередив натовских вояк, вошли на аэродром в Приштине...

Кончилось же все печально – потерей Косова, изгнанием сербов, уничтожением православных монастырей, окончательным падением дружественного государства.

От него откололась даже Черногория, которая в самые трудные времена всегда была с Сербией.

За последние годы арестованы почти все видные защитники сербского народа; почти никто из них, пребывая в швейцарской тюрьме, не дожил до судебных процессов. Когда умер первый – это попытались назвать случайностью. Когда умер второй – тоже свалили на случайность. Но затем умерли один за другим четверо. Так случайность превратилась в закономерность. Никто из тех, кто уничтожал Югославию, не желал открытого судебного процесса, чтобы лидеры сербского народа заговорили, чтобы открылась подоплека того, как уничтожали великую страну. Хорватские и мусульманские военные преступники, повинные в гибели сотен, а то и тысяч сербов, отделались легким испугом, сербам же справедливости в суде ждать не приходилось.

Лишь Эдуард Лимонов никогда не забывал про Сербию. И именно за тексты о Сербии я более всего ценю этого неординарного автора, с которым мне удалось познакомиться благодаря Владимиру Григорьевичу Бондаренко, редактору «Дня литературы». Огромный вклад в увековечение памяти русских добровольцев, да и вообще ветеранов различных войн и конфликтов, внес Илья Плеханов – редактор журнала «Арт Вар» («Искусство войны»), в котором выходят публицистические и художественные произведения участников боевых действий. Отдельное спасибо Михаилу Поликарпову и Александру Кравченко. Они также освещали балканскую тему, вспоминая свое участие в тех страшных событиях. Писал о войне в Сербии и Олег Валецкий, чьи мемуары считаются одними из лучших и честных из всех опубликованных.

Других серьезных произведений, пожалуй, нет. Нет ни сериалов, ни фильмов. Если не считать книг-боевиков, которые преподносят наших добровольцев, как людей, для которых самое важное – это пострелять из автомата все равно в кого. Гораздо больше фильмов американцы сняли о героях-американцах, которые спасают несчастных жителей Балкан от злобных сербов. Ответных фильмов до сих пор не последовало. В период войны в Косово что-то появилось в литературе в поддержку сербов. Но до обидного мало.

Почему в России гораздо больше известно об Освободительной войне XIX века, о русских добровольцах того периода? Это, конечно, заслуженно, но...

Но почти никто ничего не слышал о войнах на Балканах в конце XX века, о русских добровольцах, которые пытались помочь дружественной стране. Многие из них погибли или стали инвалидами.

Эта война унесла полтора миллиона жизней граждан бывшей Югославии. Страна рассыпалась на Хорватию, Сербию, Македонию, Словению, Боснию и Герцеговину, Черногорию, а потом отделилось и Косово. Боюсь, что такая участь может ждать и Воеводину.

По потерям и накалу боевых действий она оказалась наиболее глобальной из всех войн, протекавших после Второй мировой войны в Европе. В этнических боях во множестве гибло мирное население.

Нет ничего страшнее, чем гражданские войны, возникшие на национальной и религиозной почве, что и произошло в Югославии. Проблемы эти заложил Броз Тито, хорват по национальности, раздаривавший территории сербов точно так же, как Хрущев раскидывался российскими территориями, отдавая Крым и Донбасс. Говорят, они не могли и думать, что их страны развалятся. Может быть... Но это произошло.

То, что Югославия развалилась не сама по себе, можно утверждать со стопроцентной достоверностью. Это было еще одним российским поражением в «холодной» войне. Страны НАТО, точнее их спецслужбы, постарались уничтожить давнего, верного стратегического союзника России на Балканах. И Югославии при попустительстве тогдашней России не стало. Эмиссары вражеских разведок активно сыграли на амбициях и жадности национальных группировок отдельных югославских республик, на беспомощности властей и продажности ряда сербских чиновников.

Бардак, царивший в ЮНА (Югославской Народной армии), способствовал всему этому. Дисциплины не было. Военные склады обкрадывались сепаратистами, военная техника переходила в их руки. Все это очень сходно с тем, как оружие Российской армии оказывалось в руках чеченцев почти в тот же период девяностых годов того же XX века.

Первой отделилась Словения. Ее не очень-то старались удержать. И ее отделение прошло почти бескровно, но послужило примером для других.

Сыграло свою роль массовое предательство чиновников, которые вместо того, чтобы спасти страну, кинулись отхватывать от нее куски пожирнее. В Хорватии дрались за курортные земли, за берега Адриатики.

На территории отсоединившихся от Югославии государств оказались населенные сербами территории. Сербов не спросили о том, хотят ли они отсоединиться от соплеменников, не говоря уже о возникших почти сразу ущемлениях в правах.

Земля на Балканах богатая, и отсоединившиеся соседи посчитали, что сербы на ней лишние. Начали их выживать, и тогда тем пришлось взяться за оружие. Появились военные лидеры, которые повели народ за собой. Возникли самопровозглашенные республики – Сербская, Сербская Краина, Книнская Краина. Так же, как и в Сараево, сербские анклавы пытались отбиться, выжить. Четники – сербские националисты – стали создавать свои отряды. Если ЮНА оказалась неспособна защитить сербских граждан, то граждане сами решили позаботиться своим спасением.

Имена Караджича, Младича, Шешеля, Аркана знали все в Сербии. Республики воевали в окружении врагов, но в конце концов, лишенные какой-либо серьезной поддержки, они все-таки погибли под напором поддерживаемых НАТО многочисленных врагов. Единственные, кто приходил к ним на помощь, – это добровольцы, которые на свой страх и риск пробирались в зоны боевых действий. Среди них встречались сербы, в том числе из заграничных диаспор, черногорцы, румыны, греки, даже пара японцев, венгры, болгары, но в основном это были добровольцы из бывшего Советского Союза – русские, украинцы, белорусы, молдаване, осетины, абхазы, адыги и кабардинцы.

Многие русские так и не смирились с распадом своей великой страны. Воевали идейно, принципиально. Возрождающееся казачество тоже не оказалось в стороне, особенно после приднестровского конфликта, после защиты Южной Осетии, Абхазии. Казаки или те, кто считал себя казаками, поехали и в Сербию.

Западные газеты кричали о тысячах русских наемников, на самом же деле за все годы войны вряд ли более тысячи человек сумели добраться до Балкан.

Пути добровольцам перекрывали как могли. Угрожали уголовным преследованием за наемничество. Однако возникали русские отряды – «Царские волки», Первый РДО (Русский добровольческий отряд), Второй РДО, Третий РДО, Казачья сотня и другие.

Но при всей громкости названий отряды включали в себя не более двух-трех десятков человек. Чаще всего русские добровольцы (а русскими считались все выходцы из бывшего Советского Союза) распределялись по сербским отрядам по одному, два, три человека.

Причин этого две, по крайней мере основных. Во-первых, для поднятия духа – мол, русские с нами! А во-вторых, скоплений наших бойцов опасались. Иногда более или менее крупная группа выходцев из СССР становилась почти неуправляемой, а самое основное – это то, что наши не любили подчиняться сербским командирам. Но русские добровольцы всегда выполняли самые опасные задания, и практически всегда успешно.

Хорваты и мусульмане более всего боялись русских, часто отменяли атаки, узнав, что позиции напротив занимают русские добровольцы.

Удачные операции, наносившие серьезный урон врагам, проводились неоднократно. Но победить не удалось из-за позиции официального Белграда, всерьез не поддержавшего других этнических сербов, попавших в другие, вновь образованные на территории бывшей Югославии страны.

В Белграде правительство также более всего переживало за свои доходы и положение, боялось испортить отношения со странами Запада. Все проигранные войны на Балканах, несмотря на численный перевес противника, сербы могли выиграть. Простые солдаты-сербы и помогавшие им добровольцы всегда воевали лучше и могли разгромить врага, но почти все успешные наступления останавливались приказами из Белграда, а победоносные сражения не имели дальнейшего развития по тем же причинам. А потом наступления стали тормозиться и натовскими вооруженными силами.

Сербам объявили блокаду – экономическую и военную, к экономической присоединилась (вы только не падайте!) Россия. Она совместно с НАТО выступила с экономическими санкциями против сербов, теперь уже воевавших за свои права и независимость. Да что там Россия! Слободан Милошевич также клятвенно заверил НАТО, что сама Сербия вмешиваться в защиту сербских анклавов не будет.

У нас замалчивалась эта война. Официальная политика страны по отношению к Сербии выглядела постыдной в глазах сознательных граждан. Шли лишь скудные публикации в газетах о происходящих на Балканах боях, а про наших добровольцев преподносилось всяческое вранье. «Дерьмократические» издания (к настоящим демократическим они никакого отношения не имеют) особенно бесило то, что почти все добровольцы были национально-патриотических или социально-коммунистических взглядов. Этого им простить не могли.

Рисковали добровольцы, конечно, всем. И дома, в России, и на Западе им грозили уголовным преследованием, ведь они посмели воевать за Сербию, постоянную союзницу России. Предательство российских чиновников ставило наших добровольцев в положение представителей незаконных вооруженных формирований, поэтому рассчитывать на нормальное отношение даже в родной России не приходилось.

Многие сербы в сердцах проклинали Россию, как предательницу Сербии. Но они были неправы, не Россия в этом виновата, а стоявшие у власти временщики.

И именно русские добровольцы помогли России сохранить лицо в глазах простых сербов. Этот их подвиг так и не оценен в родной стране.

Многие и теперь известны только по псевдонимам, немало сгинуло, так и оставшись безвестными. Но имена русских добровольцев и их дела не должны быть забыты. Они заслужили вечной памяти русского, украинского, белорусского и сербского народа. Поэтому и написана эта повесть.

В ней рассказывается о малоизвестных страницах истории печальной войны, в которой русские парни, в том числе северяне и казаки (а я принадлежу и к тем, и к другим), сражались на Балканах за нашу Россию.

Александр Тутов

Русские в Сараево

Русским добровольцам посвящается

1

Мы с Вадимом пришли в блиндаж, чтобы наблюдать за мусульманами-бошняками, окопавшимися напротив (по-русски правильнее их называть босняками, но сербы прозывали их бошняками и турчинами; так стали звать и мы). Это называлось – заступить на положай.

Погода не радовала. У нас на Севере, несомненно, в это время года еще хуже – холоднее и промозглее, да и снег по пояс. Здесь снега почти не было. Грязь и слякоть. К счастью, в блиндаже было сравнительно тепло.

После нескольких часов спокойного дежурства мне захотелось спать. Тишина убаюкивала.

Мы решили, что будем спать по очереди.

Боевые действия в Сараево были своеобразными, как, впрочем, все боевые действия в городах. А города так же отличаются друг от друга, как люди.

Со Сталинградом Сараево сравнивать было бы смешно, но жутковатой экзотики хватало. Представьте себе, вдоль одной половины улицы располагались сербские подразделения, а по другую сторону – мусульманские отряды. Причем иногда в совсем хаотичном порядке. Обе стороны периодически «поливали» друг друга из самого разного стрелкового оружия либо обстреливали из гранатометов и тромболонов. Тромблон – это приспособление типа гранаты на шомполе, которое выстреливается из ствола автомата. Меткости в стрельбе тромблонами достичь сложно, поэтому частенько они летели как Бог пожелает. Бывало, по полчаса с противником тромблонами перестреливались, не нанося серьезного вреда. А бывало, что и одиночный тромблон наносил тяжкий урон. Но в основном случайно. Находились умельцы, которые натренировались стрелять тромблонами с удивительной точностью, но таких гениев были единицы.

Лично я так и не сумел освоить достойным образом это оружие. Стрелять-то изредка стрелял, но почти всегда неудачно. Тромблоны летели куда угодно, но только не в цель. В редких для меня перестрелках с турчинами я предпочитал использовать, как и многие мои сослуживцы, испытанный, знакомый еще с уроков НВП (школьной начальной военной подготовки) автомат Калашникова.

Иногда в эти действия с пальбой влезали хорваты, которые периодически стреляли либо по нам, русским добровольцам, либо по бошнякам, либо по тем и другим. Или перестрелки проходили в обратном порядке – сербы и хорваты стреляли по мусульманам. В зависимости от того, против кого «дружили» в этот день.

Союзы с противниками иногда завязывались совершенно стихийно. Особенно часто это происходило, когда в противоположных лагерях оказывались давние знакомые, которые до войны дружили между собой, несмотря на различия в верованиях. До разделения республик эти различия как-то особо никого не напрягали. Кроме отдельных лиц. Зато сейчас старые знакомства то останавливали боевые действия, то, наоборот, обостряли их. И тогда серб и бошняк, а когда и хорват, объединялись, чтобы надрать третью сторону.

Гражданская война – это всегда бедлам, где трудно выделить правых и виноватых. Тут могли палить налево, где сидели одни враги, и направо, где сидели другие враги, которые являлись врагами первых врагов. Не говоря уж о том, что сплошь и рядом мусульмане и хорваты воевали и в сербских отрядах, как, впрочем, некоторые сербы служили в отрядах врага.

Самое страшное – это то, что в Сараево часто воевали друг против друга недавние соседи, сослуживцы, просто знакомые. И воевали там, где еще несколько лет назад мирно жили по соседству друг с другом. А теперь «лупили» по своим знакомцам и недавним соседям из автоматов, стреляли из гранатометов.

Мусульманский анклав был самым крупным в Сараево. Сербь больше жили по окрестным селам, но и в самом городе располагались целые кварталы, населенные в основном ими. Армия мусульман превосходила сербские отряды по численности раза в три-четыре. Но зато у сербов осталось гораздо больше оружия с социалистических времен, в основном советского производства. Да и воевали сербы, правда при поддержке добровольцев, лучше и смелее.

Однако этого, по ряду причин, в основном странного финансово-политического свойства, оказывалось мало. И к тому же пропагандистская машина США активно обвиняла сербов в жутких, чаще всего выдуманных преступлениях против боснийских мусульман. Зато военные преступления мусульман оставались незамеченными. Как, кстати, и хорватов.

У мусульман оружие было похожим, но западных образцов встречалось больше, особенно у прибывших из арабских стран наемников-моджахедов. А у хорватов западного оружия, особенно германского, имелось более всего. Немцы по привычке, оставшейся со Второй мировой войны, особенно активно снабжали и поддерживали хорватов. Американцы и их союзники поддерживали всех, кто был против сербов. Главное – добить союзника России в Европе.

Бронетехника и орудия в сараевских боях применялись редко. Внутри города это было и не особенно удобно, да и сербские начальники опасались активно задействовать танки и пушки, чтобы не разозлить американцев и их союзников.

Танков и пушек, впрочем, в этом регионе бывшей Югославии находилось немного, в основном минометы. А самолеты не разрешали использовать сербским войскам ООН, ОБСЕ и прочие структуры, за плечами которых стояло НАТО. Чуть что – и натовские самолеты могли начать бомбить расположение сербов, причем от этих бомбежек страдало и мирное население.

Конфликт затягивался, хотя сербы несколько раз, после успешных военных операций, могли его выиграть, но военачальники останавливали свои отряды под воздействием официального Белграда.

Президент Милошевич пытался установить контакт с США, предавая этнических сербов в других регионах бывшей Югославии.

В будущем попытки заигрывания с НАТО и США не спасли Милошевича от ареста, тюрьмы и неожиданной смерти до начала процесса. Он слишком много знал, о многом мог рассказать, поэтому так внезапно и скончался. Подобная участь, увы, ждала и остальных лидеров сербского сопротивления. Если бы они начали говорить, то пришлось бы признать, что сербов обвиняли незаслуженно. А так удалось подобное претворить и в Косово, обвинив опять во всем сербов и оттяпав у них кусок родной территории. Главной же целью было лишить Россию своего давнего союзника и сторонника на Балканах, а сама Россия ничего в противовес не совершила... Однако сейчас не время говорить об этом. Вернемся в Сараево...

Задремать не удалось. Славан отличался большим ростом и был вынужден сильно нагнуться, забираясь в наш блиндаж.

– Привет, рус! – басовито сказал он.

От его приветствия я вздрогнул, поднялся, словно готовый, если надо, хоть сейчас бежать в атаку. Хотя атака – это не то, чем я должен заниматься на войне.

До войны Славан работал тренером по волейболу. «Как тут воевать? – не раз грустно шутил он во время посиделок. – Среди врагов то и дело попадают то мои воспитанники, то родители моих воспитанников. Раскланиваемся и разбегаемся в разные стороны!»

Славан принес две двухлитровые бутылки сливовицы. Небось собственного производства. Или его отца. Надо признать, что семейство Славана делало неплохую сливовицу, но не в таких же количествах!

Но трезвость – совсем не норма жизни на войне. Трезвенников на ней я не встречал. Или, по крайней мере, не припомню.

– Слушай, рус! – продолжил Славан. – Мне про тебя много нарасказывали. Все ценят тебя как доктора, но говорят, что ты и как боец крут! Дрался с десятью бойцами и всех вырубил!

Русский он знал очень даже неплохо и говорил правильно, практически без акцента.

Он когда-то немало поездил по Советскому Союзу, участвуя в строительстве различных объектов.

Когда разговор начинается с комплиментов, меня это настораживает. Тем более что вся моя крутость состояла в том, что я, будучи заядлым фехтовальщиком, пару раз показывал, как нужно работать с холодным оружием и подсобными предметами. Но было это не в реальной боевой обстановке. Я в основном занимался лечением раненых и больных, в том числе и местных жителей.

Но сегодня мне захотелось отдохнуть от врачевания, и я убежал на передовую, хотя понимаю безрассудность своего поступка. Какая-то авантюра затевается. Вскоре выяснилось, что я не ошибся.

Славан пришел не просто так. Он был взволнован и сильно расстроен. Но он не сразу начал с того, ради чего, собственно, пришел. Сначала разлил по трем стаканам сливовицу, затем, чуть подумав, налил и в четвертый стакан.

Заметив, что мы с Вадимом переглянулись, пояснил:

– Сейчас Большой Алик подойдет!

Аликом прозвали здорового добровольца из России. Он был осетином по национальности, участвовал в боевых действиях в Южной Осетии против Грузии, затем его занесло вместе с несколькими казаками, с которыми он крепко подружился, в Приднестровье. За смелость и бескорыстную дружбу братья-казаки записали его, пока приписным, в казачество в виде исключения. Несмотря на умение воевать и внешность громилы, Алика отличали добродушный нрав и компанейский характер. Сербь, да и враги, его называли русом. Он не возражал: раз приехал из России, значит, рус.

На самом деле его звали не Алик, но это имя, как прозвище, накрепко приклеилось к нему.

Вскоре он действительно заявился к нам в блиндаж, с трудом протиснувшись через узкий вход.

От Славана, при почти одинаковом росте, он отличался значительно более массивной фигурой.

– Как дела? – поинтересовался он, оглядевшись.

– Как сажа бела! – в тон отозвался Вадим.

Мы выпили сливовицы, старательно крякнули. Закуски почти не было. Одну подвяленную грушу на всех закуской не назовешь, поэтому и пришлось закусывать «кряком», или, как еще говорят, «таком».

– Ладно, Славан, говори – чего пришел! – решил перейти к делу я, поглядывая на здоровенную бутылку. Пара стаканов сливовицы – и будет не до главной темы разговора.

– У меня сегодня младшего брата тяжело ранили, – вздохнув, принялся рассказывать Славан. В его глазах мелькнули слезы, слезы горя и злости. – Снайпер подстрелил! Неизвестно, выживет мой брат или нет. Но это не все. Сегодня снайперы подловили восьмерых горожан – трех насмерть, причем среди них одна беременная женщина, жена нашего ополченца, пятеро тяжело ранены, из них два старика. Как стало нам известно, в девятиэтажке напротив, которую

мы с вашей русской подачи прозвали «китайской стеной», разместились три снайпера. Это рассказал перебежчик. Один из снайперов – средних лет американец из бывших «зеленых берегов», когда-то воевавших во Вьетнаме, захватывавших Гренаду и Панаму, то есть достаточно профессиональный убийца. Теперь он решил развлечься здесь. То ли бошняки пригласили, то ли усташы. Скорее, последние. Но точной информации нет. Приехал поразвлечься! Наше командование вместо того, чтобы заняться уничтожением этих сволочей-снайперов, собирается заморозить на этом участке все наступательные действия!.. Испугались: а вдруг вся Америка за своего вояку обидится и начнет наводить свои спасательные порядки. Итак нам Белград активно нападать на мусульман не разрешает, чуть что – НАТО вас разбомбит, а то мы бы давно освободили Сараево от турчин! Предатели в правительстве родной Сербии лишь на Америку да Европу оглядываются! Вдруг тем наши успехи не понравятся! Как только начнем успешно наступать, так сразу раздаются окрики «назад»!

Он ненадолго замолчал, наполнил стаканы сливовицей.

Мы снова выпили. Славан продолжил:

– Одна надежда на вас, русов! Вам наши командиры по боку! Если вы и наплюете на рекомендации наших командиров, то никто не рискнет вас наказать! С русскими наши полицейские не любят связываться. Это наши давно уяснили. Себе дороже! Но мы обязаны решить проблему, несмотря ни на что! Усташей-снайперов надо ликвидировать! И я надеюсь именно на вас!

Славан говорил горячо. Тут он прав. Как-то в одной городке местные полицейские рискнули арестовать группу подвыпивших казаков-добровольцев, которые расслаблялись после боевых действий и поэтому вели себя излишне шумно.

Кончилось все тем, что арестованным надоело сидеть в старой тюрьме, они просто разобрали одну из стен и ушли. Снова арестовывать их никто не рискнул. А то тюрем не напасть! И вообще с русскими предпочитали не связываться. Считали совершенно безбашенными.

Наши часто добровольно шли на самые опасные задания, а бывало, и сами искали экстрим, организовывая боевые, полные риска, акции.

Не всегда они заканчивались благополучно. Немало русских могил появилось за последние годы на сербских кладбищах. Но это не останавливало русских добровольцев.

Их часто преподносили, как уголовников, скрывающихся от правосудия, как наемников, прибывших заработать шальные деньги, как вояк, любящих убивать.

Западные СМИ старались всю.

Всякое встречалось, но основная масса приезжала воевать за идею славянского братства, за свои убеждения и считала воинское дело самым главным делом жизни. Идеиные солдаты православного дела... Не без авантюризма – это надо признать...

Зная нашу тягу к риску, некоторые сербы пытались втянуть русских добровольцев в рискованные, а иногда и сомнительные мероприятия, в которые большинство их собратьев предпочитали не ввязываться. Наши бойцы обычно бросались в подобные акции очертя голову, если только эти действия не были связаны с «зачистками» вражеских территорий. Многие русские добровольцы ради риска и приезжали сюда. Им ничего другого и не надо было. Даже денег!

Вот и сейчас Славан пришел, чтобы втравить нас во что-то опасное и сомнительное, на что основная масса местных сербов вряд ли согласится.

Но я – доктор, моя задача – лечить людей. Даже здесь – это для меня главное. А тут меня пытаются затащить туда, где главным предметом станет автомат, а не скальпель или пинцет.

– Короче, Славан, что ты от нас хочешь? – не удержался я. – Чтобы мы пошли в атаку и уничтожили всех усташей с бошняками? То есть захватили все Сараево? – Я кожей чувствовал, что Славан еще тот провокатор. Конечно, я ему сочувствовал, но и понимал, чем все это может

грозить. – И я что-то не понимаю – какие такие усташы? Причем здесь они? В самом Сараево хорватских войск нет! Сараево мусульманский город, а не хорватский! Причем здесь усташы? Они что, пока мы тут в блиндаже сидели, захватили Сараево, изгнали всех мусульман и теперь правят балом?

– Нет, конечно, но насчет статуса Сараева ты не прав, он не только мусульманский город, но и сербский! – заявил Славан. – Нас несколько меньше, чем бошняков, но не так уж много! И мы не сдадимся!

– Давай без демонстративного патриотизма! Ты в сторону не уходи! При чем здесь усташы, объясни...

Ситуация для меня выглядела совсем непонятной.

– Все дело в том, что сволочной Франьо Туджман заинтересован в том, чтобы в Европе к нам еще хуже относились, хотя, казалось бы, хуже некуда. Поэтому усташы подготовили специальный отряд для того, чтобы еще сильнее сгребать между собой нас и бошняков. Вот они и засели в ближайших домах и совершают обстрелы и рейды то в нашу, то в мусульманскую сторону. Самых отъявленных отмороzków в отряд набрали! Бошняков обстреляют из минометов, а потом в газетах западных пишут, что это сербы виноваты! А стрелять-то стараются по мирным жителям. И мы до сих пор не сумели им помешать!

– Откуда это все известно? – заинтересовался я.

Недооценил я Славана. Он, оказывается, имеет отношение к местным сербским спецслужбам.

– Поймали недавно одного хорватского шпиона, – пояснил Славан. – Поговорили с ним по-хорошему, он много чего интересного порассказывал. Усташей в этом отряде где-то около трех десятков. И это совсем не формирования ХВО, с теми нам приходилось и совместно мусульман гонять. Да и наши ездили в хорватские села, чтобы защищать поселян совместно с хорватами от атак бошняков. Это совсем другие хорваты – из наших ненавистников, им из ЦРУ или из чего-то подобного деньги доплачивают, чтобы у нас стреляли побольше, чтобы конфликт не затухал. Так что пакостят нам и мусульманам по полной программе. Да и своих не жалеют, чтобы злее были, а сторонников возможного скорого примирения с нами могут и убить. Они маневрируют по Сараево и окрестностям, но какая-то группа окопалась в девятиэтажке напротив. У одного из командиров к нам личные счеты. Прозвище Српска Смрт (Сербская Смерть). Но как выглядит эта Смерть, никто не знает! Если мне этот Смрт попадется, я ему покажу, что значит смерть на самом деле!

После того как усташы для войны с сербами создали так называемую интербригаду из тех, кто желал поохотиться на людей, поверить можно всему. Хорватские турфирмы за 3000 баксов продавали путевки желающим поохотиться на людей, то есть на сербов. Этим «туристам» разрешалось все: убивать, насиловать, снимать все это на фото и видео.

В основном это были немцы, американцы, голландцы и англичане. Не зря эта интербригада носила форму, так сильно напоминающую форму вермахта и СС. ОБСЕ, американские и натовские «миротворцы», а также всякие там «правозащитники» смотрели на подобные «шалости» сквозь пальцы. Ведь убивали всего лишь сербов...

Меня бесила подобная несправедливость. Она послужила одной из причин моего пребывания здесь. Не зря говорят, что все патриоты контужены. Кто же добровольно полезет голову под пули подставлять? За какое-то не совсем определенное «славянское православное братство»? Но мы-то лезли! Правда, сейчас Славан пытался нас втравить во что-то совсем уж неслучайное...

– Ты хочешь нас привлечь для целой войсковой операции? – спросил Вадим. – Или это нам самим все придется делать – нашей маленькой группой показать подлым усташским диверсантам, где раки зимуют? Пойти впятером и всех тридцать, или сколько их там, хорватских

спецов перещелкать? А потом мы притащим их скальпы или, как теперь становится модным, уши...

– Нет, этого я от вас требовать не могу, хотя было бы неплохо, – попытался пошутить Славан. – Но я хочу, чтобы вы пошли со мной и покончили с этими проклятыми снайперами! Я хочу отомстить за брата! И хочу, чтобы перестали убивать моих сограждан!

– И как ты это себе представляешь? Мы пойдем в атаку на «китайскую стену» по простреливаемой улице. У бошняков или, судя по твоей информации, усташей там еще и пара пулеметов имеется! – Вадим, как и полагается бывшему офицеру-десантнику, давно изучил военную обстановку вокруг наших позиций. – Там девять этажей и двенадцать подъездов. Их стрелки, как полагается снайперам, постоянно меняют позиции, перебегая с этажа на этаж, из подъезда в подъезд. Плюс еще подвал и чердак, где они также могут затаиться! Это придется все обыскать! Тут целая чета¹ понадобится!

– Но дело-то богоугодное! – вмешался в разговор осетин Алик, считающий себя активным бойцом за православие. – Я бы рискнул!

– Как? У снайпера-янки наверняка есть прибор ночного видения! Эти америкашки без оборудования никуда не лезут! Могут быть такие приборы и у других снайперов, а то и у пулеметчиков! – Вадим продолжал сомневаться. – Мы здесь успели изучить тактику снайперов-босняков, а как поведут себя хорватские спецы, нам неизвестно! Их не арабы, а немцы и америкосы готовили!

– Я все продумал! – заявил Славан. – Сейчас по ночам сыро, и к утру поднимается туман. В течение часа почти ничего не видно, ни один прибор ночного видения в такой пелене не поможет! За это время мы доберемся до «китайской стены». Там мы сможем отловить всех снайперов. Постепенно прочедем все здание. Надо хотя бы одного взять в плен, а то по всей Европе и Америке средства массовой информации трезвонят про сербских снайперов, якобы стреляющих по мирному мусульманскому сараевскому населению...

– А что, сербских снайперов нет? – с невинным видом поинтересовался я. – Американцы любят об этом писать. Говорят, даже фильмы, сострепанные в Голливуде, показывают, как их спецы из США приезжают защищать несчастное мусульманское население от сербских злодеев-снайперов. Причем эти американские «рэмбо» валят коварных сербов пачками! Янки все под силу! А ты говоришь, нет снайперов!

– Скорее всего, есть, – пожал плечами Славан. – Но их значительно меньше, чем у усташей и воинов Аллаха. За всех не ручаюсь, сволочей везде хватает, но по мирным жителям они стрелять не должны. По врагам – да, но это ж в бою! А пока ни одного нашего снайпера не подстрелили! Раненые были, но убитых пока нет!

– Видишь, какие они крутые! А чего ты их не позвал с усташевскими снайперами бороться? Мы-то – не снайпероловы! Антиснайпингу не обучены. Нет, я, конечно, в Афганистане и Приднестровье с ними вынужденно боролся, но у меня мой взвод разведки был в распоряжении, а там тоже снайперы были, а тут я один. Доктор – хороший специалист, но не по ловле снайперов, а по медицине, а у Алика удар тяжелый, но со снайперами с помощью «рукопашки» не расправишься, – Вадим продолжал допекать Славана. – Или задействовали бы ваших крутых наиспециальных специалистов? Как там их зовут? «Црвены беретки», вроде бы?

– Во-первых, я никого из них не знаю, во-вторых, это не так-то просто, в-третьих, нам же надо кого-то и в плен взять! – терпеливо принялся объяснять Славан. – Да и наши вышестоящие продажные начальники не разрешат. Они и так нам даже толком атаковать не дают! А ты про снайперов и про спецов! Никого нам не выделяют! Нет, на это никакой надежды нет!

После очередного стакана сливовицы Алик уже рвался ловить снайперов, так что пришлось его удерживать, Вадим почти перестал сомневаться, а я решил – будь что будет, пойду

¹ Рота. – Здесь и далее примеч. автора.

вместе со всеми. Чего только за компанию не сделаешь. Я и воевать в Сербию поехал за компанию, хотя за братьев-славян действительно стало обидно. Подвиги совершать я сейчас не рвался, но медикаментами перед предстоящим предприятием запастись было необходимо, за друзьями – искателями приключений придется присмотреть. Медицина – прежде всего, клятву Гиппократата забывать нельзя. Точнее клятву врача Советского Союза, которого теперь больше не существует, но я-то себя от обязательств врача не освободил. Здесь в Сараево, правда, приходилось сочетать таблетки с автоматом, бинты – с гранатой.

Хорошие врачи, разумеется, тут я скромничать не буду, всегда нужны, так что медицинской практикой меня сразу загрузили по полной программе. Но и от неожиданных нападений, перестрелок, различных диверсий и провокаций здесь на Балканах никто не застрахован, а пули не различают, доктор ты или вояка.

Все наши слышали историю про русского доктора Тептина, попавшего в мусульманский плен. Бошняки долго издевались над ним. Пытали зверски. А моджахеды это умеют. И он не выжил. И не имел на это шансов. Не дай Бог такую судьбу! Они ведь знали, что издеваются над доктором, который не воевал, а лечил раненых! После этого, прослышав о судьбе коллеги, я и стал заниматься не только лечением, но и участвовать в боевых операциях.

Думаю, мои казачьи предки одобрили бы мое решение. Я ими всегда гордился. Надеюсь, им за меня не будет стыдно.

– В доме мирные жители есть? – этот вопрос меня интересовал более всего.

Если кто-то остался в своей квартире, то это сильно ограничит свободу наших действий. Не хотел бы я стать причиной случайной гибели какого-нибудь гражданского, виновного лишь в том, что оказался не в том месте не в то время.

– Боюсь, что да! – подтвердил мои сомнения Славян. – Если бы их не было, то можно было бы этот дом обстрелять из танков или пушек, но этого делать нельзя. Там могут быть жители всех национальностей. И бошняки, и сербы, и хорваты, словене, македонцы, да мало ли кто еще?

– Этакий макет бывлой Югославии в миниатюре, – философски заметил я.

Истматом, диаматом нас старательно загружали во время учебы в институте. У меня, кстати, по всем философиям всегда были «пятерки».

– Как мы среди них будем снайперов отыскивать, если они винтовку в шкаф положат да в гражданскую форму переоденутся?

– Они нас там не боятся, поэтому всегда будут при оружии! Я имею в виду у статей и их приспешников! – с жаром заявил Славян. – Так что врагов мы всегда сможем заметить, главное – успеть среагировать!

– Сколько там может быть гражданских? – спросил я.

– От пятидесяти до ста, – ответил Славян. – Или даже больше!

– Авантюра все это! – покачал головой я. – Как мы там со всеми будем разбираться?

– Авантюра, – согласился Вадим.

– Авантюра, – подтвердил Алик.

Славян испуганно смотрел на нас, решив, что все его старания напрасны.

– А мы, братцы, разве не авантюристы? – продолжил я, глядя на помрачневшего Славана и понимая, какие мысли пришли сербу в голову.

– Авантюристы, – без возражений согласились Вадим и Алик.

– Попробуем? – спросил я соратников.

И чего это меня понесло? Ведь только что думал не ввязываться в это неперспективное дело.

– Попробуем, – серьезно сказал Вадим. – Покажем братьям-сербам, на что способны русские добровольцы! Повоем за них, раз они сами этого делать не умеют!

Вадим больше всех из нас переживал, что Россия в этой войне не поддерживает Сербию. Правда, и сербское правительство ведет себя не лучшим образом. Нашим странам не слишком везет на правителей.

Славан, обрадованный нашим согласием, пропустил мимо ушей едкие замечания по поводу боевых качеств сербов.

– Сколько там осталось до твоего предутреннего тумана? Через сколько быть готовыми к вылазке? – спросил Вадим Славана.

– Часа два еще.

– Тогда наливай!

Славан поспешил выполнить просьбу.

На улице изредка раздавались единичные выстрелы, да пару раз протарахтел пулемет. Противоборствующие стороны развлекались.

Вадим с Аликом тоже раза два выходили на улицу и выпускали по автоматной очереди в сторону мусульманских позиций. Вадим уверял, что он таким образом проводит рекогносцировку, отмечая, откуда отвечают выстрелами враги. Может, это и имело какой-то смысл.

– Пулемет в «китайской стене» на чердаке, где второй – не знаю. Стреляет в нашу сторону только один. Этот пулемет, скорее всего, на чердаке и останется, – рассказывал Вадим. – С высоты простреливаются все окрестности. Зачем им менять местоположение? Это ж не снайперы в поисках добычи, которым положено маневрировать.

Мы стали собираться. У меня на вооружении был очень приличный немецкий пистолет «вальтер» да испытанный АК-47 с десятком запасных рожков.

К «вальтеру» было всего две запасные обоймы. К разгрузочному жилету я прикрепил три «лимонки».

У моих соратников были точно такие же автоматы, пистолеты различных марок и гранаты. У Вадима имелся отличный десантный нож со стреляющими лезвиями. У меня – кавказский кинжал, такой же кинжал когда-то носил мой дед – терский казак.

Как и полагается доктору, мне пришлось захватить медицинскую аптечку. Будем надеяться, что пользоваться ею мне сегодня не придется.

Время шло. Туман медленно заполнял улицу.

– Пора! – сказал Славан.

2

Противно ползти в холодном сыром тумане, когда ничего не видно. Главное в темноте, – огибая обгорелые остовы машин, различные обломки и рытвины, – не потерять направление. Нам предстояло преодолеть всего сотню или чуть больше метров, но ползком это быстро не проделаешь.

«Китайская стена» приближалась слишком медленно. Грузный Алик, которому труднее всего было ползти, тихонько матерился. Лучше бы бежать, минута-другая – и у цели, но это мы позволить себе не могли. Нельзя, чтобы нас заметили или услышали.

Пока все шло спокойно. Появилась надежда, что мы благополучно достигнем девяти-этажки. Скорей бы! До здания оставалось метров двадцать, как вдруг бабахнуло, тут же тихо застонал Алик, сдерживая крик. Сверху полоснул очередями хорватский пулемет. Или бошняковский? Стреляли наугад – на звук взрыва. Пули прочвакали где-то совсем рядом.

– Черт! – прошептал Вадим. – Алик ногой за «паштет» зацепился!

Алик действительно зацепился за «паштет» (противопехотную мину). Я подполз к раненому. Алик кусал губы, сдерживая крики и стоны, понимая, что, если его услышат, пулеметчики на чердаке не успокоятся, пока окончательно не разберутся с возможными лазутчиками. А пока, похоже, устали решили, что это какая-то бродячая собака наскочила на мину.

Стрельба прекратилась. Я осторожно ощупал ногу Алика. Крепкие башмаки пусть и приобрели нетоварный вид, зато неплохо защитили ногу. И похоже, Алик лишь краем подошвы задел замаскированную в обломках асфальта мину. Но пальцы все-таки покорежило и переломало, ходить наш товарищ не мог. Утешало, что стопу не оторвало, да и пальцы, скорее всего, удастся сохранить, если вовремя оказать медицинскую помощь.

Главное – грамотно вправить. Нужно обезболить и поставить все на место, но это реально сделать в условиях перевязочной, а не ночью на асфальте. Раненого надо отправить в стационар.

– Терпи, не так все плохо, ногу тебе мои коллеги не оттяпают! – сказал я Алику, с тревогой ожидавшему моего приговора.

Ему вначале показалось, что стопу снесло напрочь. Всегда в таких случаях думаешь в первую очередь о самом плохом.

– Как же я ее не заметил? – выдавил он.

По поводу возможной инвалидности я его успокоил. Все излечимо. А обычным ранением осетина не напугаешь.

Однако для Алика и для нас ситуация была затруднительной. Алик выбыл из строя и нуждался в оперативной медицинской помощи, иначе он рисковал на всю жизнь остаться хромым. А этого я, как медик, допускать не хотел. И не имел права.

Подползли Вадим и Славян.

– Что будем делать?

– Надо тащить Алика обратно. Сам он может не добраться, – сообщил я друзьям.

– Как же так? – расстроился Славян.

Операция, которую он так старательно готовил, на которую так долго нас уговаривал, срывалась, еще толком и не начавшись.

Сначала мы решили, что Славян и я останемся, а Вадим, как более физически подготовленный, поможет Алику добраться до наших позиций. Но, как выяснилось, Алик оказался слишком тяжел даже для Вадима. Ему в одиночку никак не удавалось транспортировать здоровяка осетина. Надо было либо возвращаться всем, либо кому-то оставаться ждать в доме, а двум другим тащить раненого.

– Славян, помоги Вадиму, – сказал я, – я вас буду ждать в первом подъезде.

Это все моя дурная, упрямая натура! Если что-то начал, то пойду до конца, пока не завершу предприятие. Или не сверну себе шею.

– Ты что, один останешься? – поразились товарищи.

– Кто кроме Славана сможет нам найти еще напарников? Да и мне, как человеку с высшим образованием, несолидно ползать на брюхе взад-вперед! – попытался отшутиться я. – Только возвращайтесь побыстрее!

Утро стремительно приближалось, туман мог быстро рассеяться, поэтому спорить было некогда, и парни, пожелав мне удачи, потащили Алика в сторону сербских позиций. Я же подобрался к стене дома и, прижимаясь к холодному камню, достиг торца здания.

Подъезды находились с той стороны. Дом казался мертвым, но я знал, что там находятся враги. Скорей бы вернулись Вадим со Славаном. Если все нормально, то через тридцать-сорок минут их можно ждать обратно. Лишь бы туман не рассеялся! Какая тоска одному! И страшновато!

Вот и первый подъезд! Входная дверь висела на одной пружине. Тем лучше: открывать дверь в неизвестность гораздо опасней!

Ходить я с детства умел бесшумно. Когда-то, начитавшись книг про индейцев, я пытался подражать их умению ступать так, чтобы ветка не хрустнула, трава не зашуршала. Луком, сделанным из вереста (так у нас называли кусты можжевельника), я гордился так, как будто мне подарил его сам Винету – сын Инчучуна. Нас в компании было пять мальчишек и одна девчонка Ленка. Но с выбором имен мы опростоволосились. Однажды, собравшись на своем главном «индейском» дереве – здоровенной березе, на ветках которой проводили советы вождей, – мы обнаружили, что среди нас, пятерых, есть Ястребиный Глаз, Соколиный Глаз, Орлиный Глаз, затем еще один Соколиный Глаз, и лишь я вспомнил про майнридовского героя Оцеолу – вождя семинолов.

С Ленкой было проще – она взяла себе имя Золотая Лань. С этим никто и не спорил, конкурентов не имелось. А Соколиные Глаза чуть не подрались.

Мне, как самому начитанному, пришлось вспоминать героев из книг Фенимора Купера, Майн Рида, Густава Эмара и Лизелотты Вельскопф-Генрих. В те годы суперпопулярный Гойко Митич, кстати, югославский артист, блистал в индейских фильмах киностудии ДЕФА.

Чтобы никому не было обидно, первый Соколиный Глаз превратился в Текумзе, а второй – в Сидящего Бизона, вождя сиу, разбившего американские войска при Литл-Биг-Хорне. А Соколиным Глазом, позабыв про свою недавнюю Золотую Лань, стала Ленка.

Эх, воспоминания!.. Отличные, счастливые были времена! Тогда мне мечталось, чтобы и мой нос стал таким же орлиным, как у Оцеолы – вождя семинолов. Я тер переносящу, читая книги про Чингачгука и Белого Ягуара, чтобы добиться этого. До сих пор глупая привычка тереть переносящу осталась. Но теперь только когда начинаю нервничать...

На улице оставаться не стоило.

Поднялся по ступенькам крыльца, постоял с минуту, прислушиваясь. Тихо.

Может, в темноте притаился бошняк или усташ с автоматом, и они только и ждут моего появления? Нет, не слышно никого!

Я поднялся по лестнице, сел на ступеньки между первым и вторым этажами. Долго вслушивался. На улице изредка стреляли, где-то даже ухнул миномет. В самом подъезде ничего не происходило. Остался ли здесь кто-нибудь из жителей? По крайней мере, из-за дверей никаких звуков не раздавалось. В одиночку проверять квартиры желания не было.

Тяжело, тревожно... Но делать нечего. Я принялся ждать друзей. Посмотрел на часы. Прошло пятнадцать минут. Надеюсь, ожидание не затянется. А то я начну страдать от различных фобий! И так уже начинаю. Кажется...

...В голову лезла всякая чепуха. Какие-то гнилые голливудские «ужастики» из воспоминаний прошлого упорно вторгались в мое сознание. И это при том, что окружающая действительность была гораздо страшнее, чем самая жуткая голливудская поделка. Видел я, как выглядят в сербских селах последствия усташских зачисток. Бр-р-р! Мое медицинское сознание и то с трудом справлялось с подобными кровавыми картинами. Вспоминать об этом не хотелось.

В темноте, в полумертвом подъезде находиться было жутковато. Даже, откровенно сказать, просто жутко.

Я вспомнил, как, будучи студентом-медиком, устроился работать в видеосалон. Точнее, этот видеосалон мы организовали вдвоем – я, Серега Хакимов и Саня Чижиков. У меня было разрешение на прокат фильмов и неограниченный доступ к видеокассетам, у Сереги Хакимова имелся здоровенный «видак» «Электроника-320» (если номер не путаю), у Сани Чижикова – тяжеленный цветной телевизор советского производства, но не простой, а с декодером. Смотри видеофильмы сколько хочешь! В то время любой «видак» являлся роскошью. Тогда импортный видеомагнитофон можно было обменять на машину, пусть и не самую новую. Работали мы при молодежном центре обкома комсомола. В моей трудовой книжке сделали запись, что я являюсь оператором видеотеки. И понеслось! Первые фильмы – «Терминатор», «Горец», «кунфуистские» боевики с Брюсом Ли и Джеки Чаном, «Эммануэль», а также, конечно, «ужастики» – в первую очередь такие, как «Кошмар на улице Вязов» и «Пятница, 13». Крутили мы видеофильмы в одной из общаг моего любимого мединститута. Заканчивался последний сеанс где-то около двух часов ночи. После чего я отправлялся домой в привокзальный район. Дорога шла мимо кладбища.

Хорошо помню, какие неприятные чувства испытывал, когда возвращаться приходилось после просмотра какого-либо «ужастика», например «Пятницы, 13». С тех пор и не люблю смотреть фильмы ужасов.

А тут, пока сидел в темноте на ступеньках лестницы в подъезде, сразу кучу жуткостей из кино вспомнил, да кое-что досочинила моя богатая фантазия. Глупо – я тут на войне, кругом стреляют и убивают, а в голову лезут киношные кошмары, которые пугают больше, чем страшная реальность.

...Вновь вспомнился тот видеобизнес. Как-то я шел с выручкой домой. Был примерно третий час ночи. На Севере в конце мая ночи белые, поэтому понять, что сейчас ночь, можно было лишь благодаря часам и отсутствию людей на улице.

Показалась машина. Не обращая внимания на нее, я ускорил шаг, просто торопясь домой. Неожиданно машина остановилась рядом со мной.

– Давай подвезем! – раздался голос.

В машине ехало четверо здоровых парней.

Мои пальцы в кармане крепко стиснули маленькие ножницы. «Просто так не дамся!» – подумал я. Однако и шансов на успешное сопротивление почти не имелось.

– Садись давай побыстрей! – усмехнулся приглашавший здоровяк, видя мои сомнения.

Бежать было некуда. Улица пустынна. До подворотен далеко, а по дороге от машины не убежишь. Решившись, я с независимым видом сел в машину, продолжая стискивать маникюрные ножницы в кармане. А дальше... А дальше ничего не произошло.

Они просто довезли меня до улицы, где я жил. Я просто сказал «спасибо» и отправился домой.

До сих пор не знаю, что побудило тех мужиков на подобный поступок. Выглядели они явно криминально. А может, просто решили помочь одинокому ночному путнику? Мы отвыкли ждать от людей чего-либо хорошего просто так. И ждем самого худшего. Но иногда все совсем не так плохо, как ожидается. Главное, что страхи не всегда оправданы.

Сейчас этот случай мне вспомнился, как пример того, что не все так страшно ночью, как кажется.

И все еще будет хорошо.

На улице в это время загрохотало. Застрочили сразу чуть ли не с десятков пулеметов. Так по крайней мере казалось. С обеих сторон заухали утробно минометы, принялись рваться гранаты и тромбланы. Это было в стороне от дома. Но связано это с моими товарищами или нет, сказать трудно. По-любому мне это во вред.

Пальба перебудила всех. И, следовательно, взбудоражены снайперы и пулеметчики в доме, где я сейчас нахожусь. А туман редет.

Теперь только самоубийца рискнул бы пересечь площадь. Мне теперь точно не вернуться. И, кажется, до следующей ночи никуда не деться.

Никто ко мне на помощь не шел. И я начал отчетливо понимать, какую глупость совершил, не вернувшись вместе со всеми в расположение своего отряда.

Я чувствовал, что совсем один, и помощи до следующей ночи мне не дожидаться. Просто не удастся дожить до следующей ночи. Не дадут.

– Вот дьяволыщина! Черт! Черт! Черт!

Хотелось завывать, но этим делу не поможешь. Да и чертыхания лучше прекратить.

Мне сейчас лучше попросить помощи у Бога, чем поминать всуе дьявола, который затащил меня бог весть куда! А теперь попробуй выкарабкайся! Придется из неврологов в проктологи переквалифицироваться, чтобы спастись!

По счастью, у меня, как у всякого порядочного медика, всегда имелся при себе запас спирта. Настоящего медицинского, не разбодяженного всякой гадостью. Дрожь сотрясала мое тело, словно я голяком сидел не на ступеньках подъезда, а на льду.

Необходимо успокоиться, а то паника меня погубит!

Я глотнул граммов тридцать неразбавленного спирта. Горло перехватило.

Я судорожно хватал ртом воздух. Но зато паника действительно на время отступила. Нужно собраться с мыслями, оценить ситуацию и решить, что делать.

О сдаче в плен не могло быть речи. Хорваты запихали бы меня в тюрьму и вволю поиздевались бы или просто пристрелили или прирезали.

Это дало бы очередную пищу для европейско-американского сообщества поорать о воюющих в Сербии русских наемниках. Еще хуже, если попадешься к бошнякам, особенно к тем, кто по крови не сербы, а моджахеды, прибывшие сюда из Афганистана, Палестины, Египта или какой-либо подобной страны. Арабские наемники пугали своим поведением даже своих соратников. Они могли сделать все что угодно – содрать кожу, отрезать голову, кастрировать. Даже подумать жутко!

И вообще, сдаваться как-то уж совсем противно и стыдно! Я с детства помню одну фразу, крепко вошедшую в мое сознание: «Русские не сдаются!» И я сдаваться не собирался!

Затем я подумал о том, как бы получше зашхериться и дожидаться следующей ночи, когда подойдет подкрепление или удастся уползти обратно во время предутреннего тумана. Но это надо ждать целые сутки без еды и без питья! Но скорее именно так и придется поступить! Самый разумный поступок из всех пока еще возможных. Сейчас, по крайней мере, так кажется.

Есть еще вариант. Чтобы совсем не скиснуть от тоски и постоянного ожидания опасности, почему бы потихоньку не начать исследовать квартиры.

В пустой квартире к тому же безопаснее, чем на лестничной площадке.

Посмотрим, что в жилищах. Глядишь, что-нибудь интересное удастся обнаружить. В этом доме, как рассказывал Славян, могут все еще жить сербы, которые не успели никуда бежать. Надеюсь, если найду их, помогут. Еды и воды постараюсь добыть у них.

Туман на улице совсем рассеялся. Выглянуло раннее солнце. Я встал, решив для начала обследовать квартиры на первом этаже. Хотя, скорее всего, там никого нет. Слишком уж мертвая тишина царила в этом лестничном пролете. Да и на первых этажах опаснее всего находиться, так что вряд ли кто из жильцов остался на первом этаже дома.

Было 5.37 утра, как показывали мои чудом уцелевшие часы, когда я подошел к двери в квартиру под номером 1. Несколько минут стоял прислушиваясь. Я не боец СОБРа или ОМОНа, дверь ногами вышибать не могу, головой тем более. Нет, не потому, что здоровья не хватит, просто я шума поднимать не могу. Последствия могут оказаться слишком непредсказуемыми. И еще потому, что не знаю, где могут находиться враги, где просто гражданские лица, а где, что тоже вероятно, потенциальные друзья.

Я толкнул дверь. Она оказалась незакрытой.

3

Осторожно, стараясь не делать шума, я змеей скользнул внутрь квартиры. Палец на спусковом крючке напрягся, готовый заставить плевать смертоносным огнем автомат в любую секунду и при малейшей опасности.

Но квартира оказалась пустой. Похоже, ее крепко выпотрошили мародеры. На стенах пробоины от пуль, обои висят клочьями, мебель перевернута, подушки диванов вспороты, осколки посуды и изуродованный холодильник, разбитый музыкальный центр – таким предстало это жилище моему взору. Я поискал бутылки с водой или, на худой конец, с какой-нибудь гадкой колой.

К ней я отношусь безразлично, но сейчас и она бы сошла. На квас, который мне нравился больше всего, здесь все равно рассчитывать не приходилось. Но поиски ни к чему не привели, тут и до меня все хорошо обыскали.

«Интересно, а кто были хозяева этой квартиры – сербы, хорваты, мусульмане или кто еще? – подумал я. – Живы ли они сейчас?» Тут взгляд мой упал на чудом уцелевшую фотографию на стене, вокруг нее все было изрыто пулями. С фотографии на меня смотрела обычная семья: отец, мать, два сына и дочь.

«Как и у меня, – вздохнул я, – только у них, скорее всего, самая младшая дочь, а у нас в семье самый младший – я!»

Они весело смотрели с фотографии куда-то вдаль. Кто они были, я так и не понял. Отметил лишь, что девчонка очень даже симпатичная, с длинными вьющимися волосами, большими глазами, опущенными длинными ресницами. Взгляд боевой, задорный. Мне всегда нравились такие смелые девушки.

Я осторожно выглянул в окно. Уже совсем рассвело. Были видны сербские позиции и тот блиндаж, в котором еще несколько часов назад я пил сливовицу вместе с друзьями. Смогу ли вернуться обратно? Где сейчас Вадим и Славан? Надеюсь, что Алик уже в госпитале. Главное, чтобы они придумали, как добраться до меня.

Я внимательно рассматривал улицу. Асфальт саперы, как бошняков, так и наши, то есть сербские, активно шпиговали противопехотными минами. Конечно, днем заметить такую «паштетину» не составляет труда, если ушами не хлопать, но вот ночью...

Почему Вадим и Славан не предупредили о предстоящем минировании? Впрочем, понятно: не знали. Но почему и сербские саперы тоже активно шпигуют оборонительные линии минами? Им про меня не сказали? Как это Вадим и Славан допустили? А если они погибли? Тогда мне совсем неоткуда ждать помощи! И что же делать?

Как говорили спартанцы, попав в окружение: «Мы окружены со всех сторон! И нам ничего не остается, как только пойти и убить Ксеркса!» Так придется поступить и мне. Только вместо Ксеркса у меня хорватские снайперы и пулеметчики плюс возможные вояки бошняков!

Я могу добраться до своих только днем, но днем меня увидят и подстрелят либо снайперы, либо пулеметчики. Есть только один способ решения всех этих проблем. Ничего не остается, как пойти и убить снайперов и пулеметчиков! После того как я все это осознал, страх отступил.

Сколько их может быть? Три снайпера, пулеметов, кажется, два, а обычно при пулемете два человека. Есть ли автоматчики или кто-то еще? Могут оказаться и враги среди обычных граждан, находящихся в квартирах...

Что меня ожидает? Столкновение с врагом лицом к лицу? Мне придется убивать? И не так, как обычно происходит в современном бою, когда рукопашная схватка – редкое явление. В основном это перестрелка на расстоянии, когда ты не видишь глаз врага, его смерть от случайной пули, от осколка гранаты или снаряда, – все это происходит далеко от тебя. И ты не

можешь быть уверенным, что это именно твоя пуля или осколок от твоей гранаты сразил врага. При таком бое нет сильной нагрузки на психику. Совсем другое дело – поединок один на один. Поединок насмерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.